

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КУЗБАССЕ (1927-1932 гг.)

З.П. Галаганов

Первые опыты создания коллективных хозяйств в Кузбассе относятся к 1917-1918 гг. После освобождения от колчаковщины было создано несколько десятков коллективных хозяйств, но в условиях нэпа многие из них распались. Колхозы тех лет различались по степени обобществления в них средств производства и распределения продукции и подразделялись соответственно на три категории: товарищества по совместной обработке земли, сельскохозяйственные артели и коммуны. К 1927 г. в Кузбассе насчитывалось 27 колхозов, в том числе 5 ТОЗов, 13 артелей и 9 коммун. В апреле Кузнецкий окружком ВКП(б) и исполком окружного совета рабочих и крестьянских депутатов обратились к крестьянству с призывом объединяться в производственные кооперативы [1].

На развитие сельского хозяйства выделялись солидные государственные средства. На четвёртой партконференции в октябре 1927 г. отмечалось, что в сельское хозяйство и промышленность Кузнецкого округа на этот год было выделено около 25 млн. руб. - против 9 млн. в 1926 г. В сельском хозяйстве имелся прирост посевной площади и размеров бедняцкого фонда. Основной фигурой в кузбасской деревне, по мнению докладчика Новикова, являлся середняк. "Пусть оппозиция чешет языки, что мы сползаем к кулаку, что середняк распыляется или окулачивается, цифры говорят совершенно другое", - утверждалось в отчётном докладе. Новиков имел в виду, прежде всего, рост партийных рядов в округе на 27,5 % за счёт крестьян. Во-вторых, по данным докладчика, 25 % валового дохода на селе производили зажиточные крестьяне. 38 % бедняков были освобождены от всех налогов [2], остальные получали от государства определённые льготы.

Политический настрой кузбасских крестьян в связи с коллективизацией был в 1927 г. неоднородным. Большинство бедноты считало политику, проводимую компартией и правительством, правильной и заявляло о поддержке этой политики. Но наряду с этим имелись и так называемые нездоровые настроения, то есть проявлялись растерянность и боязнь, что советская власть - непрочная. Настроение зажиточной верхушки деревни было враждебным по отношению к соввласти и компартии. "Надо объявить коммунистам "тёмную ночь", - поговаривали кулаки.

Зажиточные пытались уменьшить налоговые тяготы, укрывая свои хозяйственные объекты от обложения и агитируя за сокрытие бедноту и середняков. Это наблюдалось повсеместно, во всех районах Кузнецкого округа. Кулаки распространяли слухи, что у советского правительства справедливости

нет, "с нас дерут последнюю шкуру, а всё дают беднякам, но это им впрок не пойдёт".

Однако недовольство высказывала порой и беднота, получая из-за этого обидные прозвища "подкулачников". На одном из собраний в Суловском районе бедняки говорили: "Вы нас угощаете только собраниями, вы нам дайте лучше долгосрочный кредит, тогда мы быстрее поднимем своё хозяйство". Зажиточные, наоборот, указывали, что беднякам льгот и так даётся много, а они всё равно не работают, и всячески старались показать себя в выгодном свете: "Мы стараемся больше принести пользы государству, больше работаем, и с нас же и дерут" [3].

В 1928 г. государство увеличило ассигнования на развитие сельского хозяйства Кузнецкого округа. Только на приобретение простых сельхозмашин было выделено 1 млн. 300 тыс. рублей. Создавались крестьянские общества взаимопомощи по обработке земли, кредитные кооперативы для приобретения сельхозинвентаря, коллективного использования мельниц и маслобоен. Проводились конференции и собрания бедноты, а при сельсоветах, кооперативах и комитетах взаимопомощи создавались группы бедноты по проведению коллективизации. Однако, несмотря на всё это государственные хлебозаготовки с урожая 1927 г. замедлились. В мелких крестьянских хозяйствах товарного хлеба не было, у зажиточных он был, но они его придерживали. Потому что государственные заготовительные цены на хлеб были низкими, а на промышленные товары - слишком высокими. Но даже по этим ценам их не стало в сельских лавках [4].

Сибирский хлеб зажиточные закапывали в ямы, перегоняли на самогон. И тогда в ЦК ВКП(б) решили применить в проведении хлебозаготовок чрезвычайные меры. Для их организации в ряд регионов страны выехали

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КУЗБАССЕ (1927-1932 гг.)

А.И. Микоян, Л.М. Каганович, А.А. Жданов, Н.М. Шверник, А.А. Андреев. В Сибирь выехал “сам” И.В. Сталин. Именно по его предложению бюро Запсибкрайкома ВКП(б) решило тех, кто прятал хлеб от государства, привлекать к уголовной ответственности по статье 107 Уголовного кодекса РСФСР как за спекуляцию.

«Чрезвычайщина» в Сибири началась с создания тройки по хлебозаготовкам в составе Р.И. Эйхе - председателя крайисполкома, С.И. Сырцова - секретаря крайкома ВКП(б) и А.М. Зобнина - заведующего крайторготделом. Создавались чрезвычайные тройки и в Кузнецком округе. В их состав входили, как правило, секретарь райкома, председатель райисполкома и уполномоченный ГПУ. Их работу координировал уполномоченный окружкома, в округе - уполномоченный крайкома партии.

По данным Кузнецкого окружного статотдела, в Кузбассе в 1928 г. чужой труд эксплуатировали 4,8 % крестьянских хозяйств, попавших в разряд кулацких. Как сообщалось в Кузнецк из Крапивинского района, “кулачество влияет на бедноту. По всем признакам хлеб есть, но он прятанный, и очень надо искать, без административного воздействия задания не выполнить. Честные сдали, а остались самые злые и хитрые, к которым хладнокровно подходить уже нельзя” [5].

Первая тройка была создана в Кузнецке в январе 1928 г. На своём первом заседании она приняла такое решение: для быстрого разрешения работ по хлебозаготовкам по примеру округа создать во всех районах при райисполкомах тройки. Районным тройкам предписывалось “срочно выявить” по 5-10 злостных держателей хлеба и “нарушителей” государственных цен и немедленно предать их суду по статье 107. Согласно циркуляру Сибкрайкома и письму сибпрокурора рекомендовалось устраивать над ними показательные процессы. Заседание обязало начальника ГПУ Кузнецкого округа Баранова в четырёхдневный срок представить в тройку список злостных спекулянтов, скупщиков хлеба и товаров, действовавших как единолично, так и по сговору, “направленных по линии ГПУ через особое совещание, то есть по линии внесудебной расправы” [6].

Деятельность кузбасских троек была достаточно широкой и разнообразной. Они весьма энергично занимались вопросами исполнения налогов, страховки, ценообразования и других видов сборов; выявляли “укрывателей” хлеба, контролировали ход кооперирования населения и т.д.; следили за тем,

чтобы в округе не закупали хлеб “чужаки”, то есть представители других районов - подозрительных немедленно задерживали и направляли в правоохранительные органы. Некоторые тройки даже решали задачи продрозверстки, определяя, какое количество сельхозпродуктов должно заготовить то или иное потребительское общество, тот или иной населённый пункт. Тройки также контролировали рыночные цены на хлеб, диктуя крестьянам свои условия.

Но и это было не всё. Тройки возобновили практику сбора недоимок среди крестьян. Секретная справка Кузнецкого окружного финотдела сообщала, что сотрудники отдела, опираясь на поддержку тройки, принимали срочные меры к недоимщикам. Главной из них являлось производство описи имущества с последующей его продажей на аукционах. В результате “принятых мер” в окружной финотдел поступило описей имущества из всех районов Кузбасса на 127 человек. После распродажи их имущества деньги перевели на адрес окружного ГПУ. Особое внимание обращалось на “недоимщиков более имущих”, но в этот разряд попадали очень часто и середняки. Крестьяне не платили сельхозналог потому, что просто нечем было расплачиваться [7]. Эта проблема сохраняла остроту в целом в России.

Действия чрезвычайных троек вызывали резкий протест крестьян, и не только зажиточных. В мае-июне 1928 г. задели середняка, так как начали отбирать у него страховой запас хлеба. Всё это влияло на положение в деревне. Появлявшиеся в ней коллективные хозяйства оказывались недолговечными и распадались. “В деревне насадили ряд нежизненных коллективов”, - сказал по этому поводу на Кузнецкой райпартконференции коммунист Симаков [8].

Заготовки хлеба при помощи репрессивных мер не могли обеспечить в полной мере потребности государства. Тогда “наверху” решили, что хлеб могут дать только коллективные хозяйства, и 15 декабря 1928 г. сессия ЦИК СССР приняла закон “Об общих началах землепользования и землеустройства”. Колхозам предоставлялись льготы в кредитовании и налогообложении. Сроки аренды земли ограничивались шестью годами, наём батраков - сроком в один год. Договор найма батраков регистрировался в сельсовете. Зажиточные крестьяне во время выборов в советы в 1928-1929 гг. лишались права голоса и именовались “лишенцами”, то есть становились гражданами второго сорта.

В 1929 г. начался бурный рост коллекти-

З.П. ГАЛАГАНОВ

визации - в стране, но не в Кузбасском округе. Здесь колхозы создавались "случайным порядком, без системы и плана", в основном во время посевной кампании, они не были в достаточной мере обеспечены сельхозмашинами: сложная техника была сосредоточена в руках зажиточных крестьян. Поэтому артели показывали низкую производительность труда.

Кроме того, вокруг коллективизации в Кузбассе развернулась классовая борьба: кулаки путём запугивания, вредительства (поджигали колхозные строения, разрушали теплицы), организации лжеколхозов старались изнутри разложить коллективные объединения. Реакция на это со стороны советской власти была однозначной: не допускать зажиточных в колхозы. Но проблема заключалась в том, что и беднота игнорировала коллективизацию. Эта мысль была отчётливо сформулирована на совещании в Крапивинском районе по поводу текущих хозяйственно-политических кампаний. Участник совещания Горбунов был уверен в том, что беднота просто не понимает значения коллективизации, поэтому и не вступает в колхозы. Другой участник, Екимов, считал, что "батрачество и беднота, вступая в коллективы, ничего не теряют, кроме рваного шабура и полуголодного обеда, а получают в колхозе всё необходимое для своего существования. Поэтому, мол, и бояться колхозов нечего" [9].

Но Кузбасс не спешил проводить коллективизацию. Партийное собрание Тисульского района в мае 1929 г. объясняло это тем, что у местных партийцев не было решительности для её осуществления. Некоторые коммунисты якобы даже тормозили колхозное строительство. Выступающий Саломатов предложил даже "с такими жестоко разделаться". Лабецкий был уверен в том, что переустройство сельского хозяйства возможно было только на пути коллективизации, при условии постоянного руководства партией большевиков перевоспитанием крестьянства. Вилкс предложил втягивать бедняков, батраков и лучшую часть середняков в колхозное строительство, "так как от кулака только вред" [10].

В обстановке искусственно нагнетаемой классовой ненависти в Кузбассе стали нередкими случаи терактов против уполномоченных и активистов колхозного движения. К концу 1929 г. в округе было зарегистрировано 5 убийств, 9 избиений, 14 поджогов, 17 анонимок с угрозами расправы и т.д. Крестьяне шли в колхозы под сильным нажимом [11]. В этих сложных социально-экономических условиях бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б) 12

ноября 1929 г. приняло решение о сплошной коллективизации крестьянских хозяйств двух районов округа - Щегловского и Прокопьевского [12], а шестого декабря того же года - о коллективизации 75 процентов хозяйств Ленинского, Топкинского и Бачатского районов - к весне 1930 г.

Тогда же Томский окружком партии принял постановление о стопроцентной коллективизации в Анжеро-Судженском и Тайгинском районах [13]. Второго февраля 1930 г. Сибрайком ВКП(б) вопреки постановлению ЦК ВКП(б) "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству" дал установку партийным организациям всей обжитой полосы Сибири закончить коллективизацию весной 1930 г.

Следовательно, в Кузбассе и в Сибири был взят курс на необоснованное форсирование темпов коллективизации. Результат такой политики не заставил себя долго ждать: процент коллективизации подскочил с 6 на первое октября 1929 г. до 40-50 на первое марта 1930 г. "Рекордного" показателя достиг Анжеро-Судженский район, в котором за несколько месяцев число колхозов возросло более чем в 17 раз [14]. В Тисуле ставилась задача на первом районном партсобрании в октябре 1930 г. охватить коллективным сектором не менее 50 % крестьянских хозяйств за 1930?31 гг. Правда, в своей резолюции собрание особо оговорило положение о том, что добровольность должна быть основным методом коллективизации [15].

Горячий напор ретивых администраторов на некоторое время сдерживало постановление ЦК ВКП(б) "О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении". Оно было принято в марте 1930 г., но Кузнецкий окружком ещё в январе того же года на своём январском пленуме обсуждал вопрос о нарушениях в колхозном строительстве в Щегловском районе. Резолюция пленума осуждала административный нажим, нарушения принципа добровольности и давала практические рекомендации по осуществлению коллективизации. Поэтому если на первое марта 1930 г. по округам Западной Сибири было объединено в колхозы 48,5 %, то в Кузнецком округе - 27,9 % [16]. Но этому факту можно дать и другое объяснение: зажиточным дорога в колхозы была закрыта, не спешили туда и середняки, напуганные насильственным обобществлением домашних животных и сельхозинвентаря. А с беднотой и батрачеством партийные ячейки работали робко, да и сами партийцы из крестьян не вступали в колхозы, подавая в этом смысле негативный при-

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КУЗБАССЕ
(1927-1932 гг.)

мер.

Однако к отмеченным выше прибавилась ещё одна причина низких темпов роста коллективизации - уравниловка в распределении доходов в подавляющем большинстве колхозов. Данный вопрос для Кузбасса оказался сложным и трудным. По крайней мере, в 1930 г. его суть была не совсем ясна партийно-советским и колхозным органам.

1931-1932 гг. стали периодом стремительного ускорения коллективизации и в СССР, и в Кузбассе. Например, к лету 1931 г. Тисульский район был коллективизирован на 63 % (с 14 % в ноябре 1930 г., в январе 1932 г. - 75 %). Тисульские коммунисты расценили это на второй райпартконференции как показатель правильности генеральной линии партии в области сельского хозяйства [17].

В целом, к концу 1932 г. коллективизация сельского хозяйства Кузбасса в основном была завершена: от 57 до 78,5 % крестьянских хозяйств вошли в колхозы, сосредоточившие в своих руках от 86 до 88 % всей посевной площади [18]. Аналогичный показатель по стране выглядел примерно так же. А это означает, что Кузбасс шагнул в ногу со временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКО. Ф. П-158. Оп.1. Д.15. Л.138.
2. ГАКО. Ф. П-74. Оп.1. Д.18. Л.3,4,5.
3. ГАКО. Ф. П-40. Оп.8. Д.8. Л.2,5,7,8.
4. Летопись села Кузбасса. - Кемерово, 2001. - С.54.
5. ГАКО. Ф. 22. Оп.1. Д.232. Л.367 об.; Д.240. Л.140.
6. Там же. Д.185. Л.3.
7. Там же. Д.10. Л.7; Д.240. Л.6.
8. ГАКО. Ф. П-74. Оп.1. Д.19. Л.5,11,15.
9. ГАКО. Ф. П-18. Оп.12. Д.23. Л.7,8,12,40.
10. ГАКО. Ф. П-40. Оп.7. Д.45. Л.1,3.
11. Летопись села Кузбасса. - С.60
12. ГАКО. Ф. П-8. Оп.1. Д.159. Л.278.
13. ГАКО. Ф. П-1. Оп.2. Д.69. Л.11-12; Д.63. Л.168,190,331.
14. Очерки истории партийной организации Кузбасса. Ч.І-ІІ. - Кемерово, 1973. - С.253.
15. ГАКО. Ф. П-40. Оп.7. Д.52. Л.8 об.
16. ГАКО. Ф. П-8. Оп.1. Д.154. Л. 362; Д.140. Л.61.
17. ГАКО. Ф. П-40. Оп.7. Д.56. Л.2,19.
18. Очерки истории партийной организации Кузбасса. - С.265.